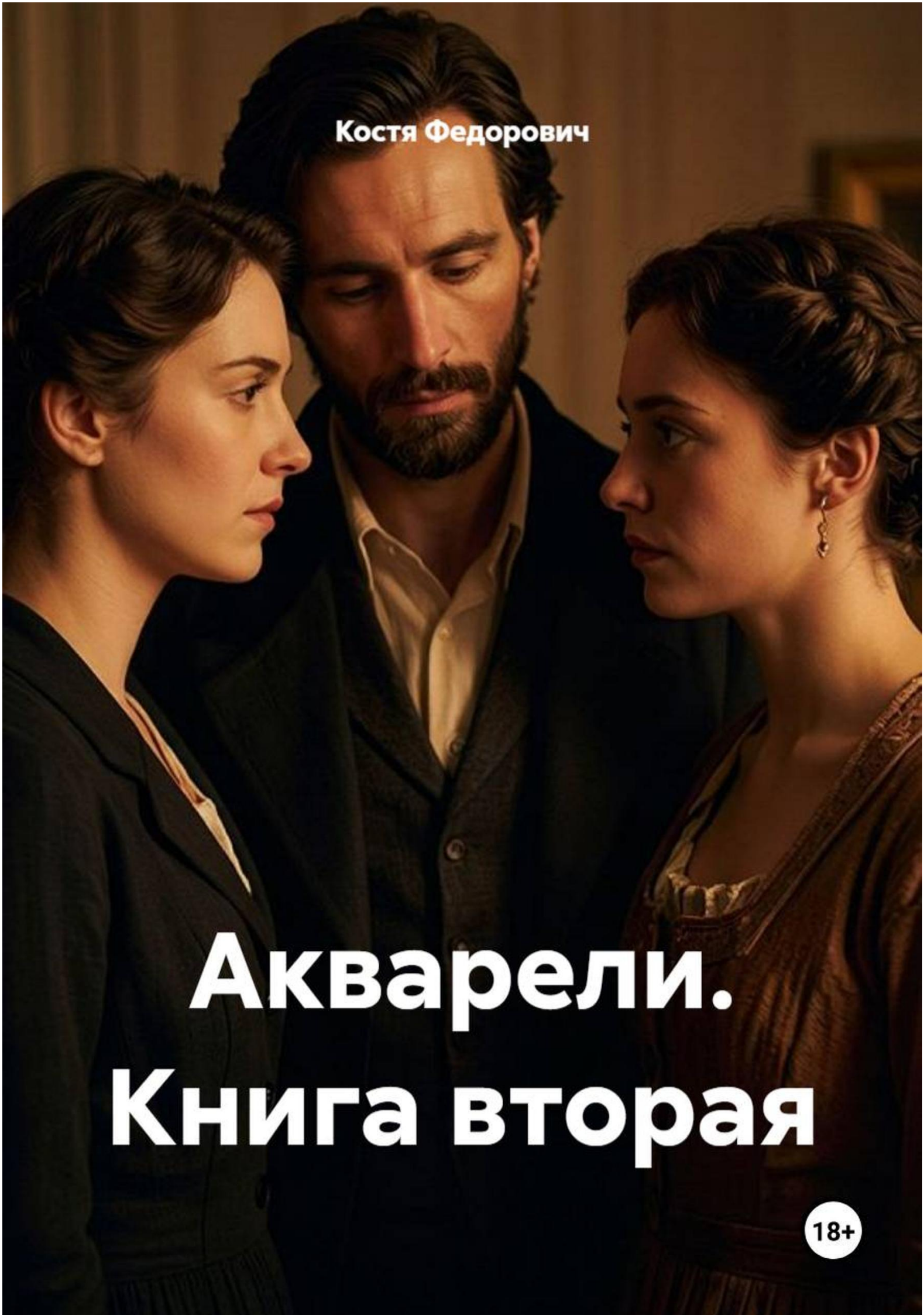

Костя Федорович
Акварели.
Книга вторая
18+

Костя Федорович

Акварели. Книга вторая

«Автор»
2026

Федорович К.

Акварели. Книга вторая / К. Федорович — «Автор», 2026

Две женщины. Один мужчина, похожий на Чехова. И выбор, который не заканчивается никогда. От перестрелок в Палермо до майского утра с запахом сирени. Финал, который оставляет в комнате эхо рёва мотора. Роман о том, как сложно быть честным — с собой и с теми, кого любишь.

© Федорович К., 2026
© Автор, 2026

Костя Федорович
Акварели. Книга вторая

Посвящается триггеру — Марине

Автор

Глава 1

Сергей зашёл домой. Его, как всегда в последние дни, встретил Барсик и коротко мяукнул, будто сказал: «Привет».

Серёжа снял с себя намокший от дождя плащ и, отряхнув от капель тот самый красный зонт, поставил его в угол. Зонт сложился с тихим щелчком, и этот звук в пустой квартире прозвучал неожиданно громко.

Он посмотрел на красивые и дорогие часы на руке — те самые, купленные и подаренные ему Вандой в Питере. Часы показывали половину второго. На дворе была ночь.

Пройдя на кухню, он согрел чайник и сделал себе кофе. Несмотря на усталость, спать совершенно не хотелось.

«Она, наверное, уже дома. Надеюсь, что неприятности обойдут Ванду стороной», — подумал Сергей и тяжело вздохнул. Пар от чашки лёг лёгкой дымкой, почти как тот утренний туман над озером, и тут же рассеялся.

Потом он прошёл в зал, включил торшер. Свет лёг жёлтым пятном на старый кожаный диван. Сергей сел, чувствуя, как привычно скрипнули пружины. На столике напротив лежал телефон — тот самый, который он всего несколько дней назад подарил Ванде.

Рука сама потянулась к нему. Он автоматически включил экран, и на нём высветилось неотправленное СМС — скорее даже целое письмо. И он с тоской на сердце начал его читать.

Письмо Ванды

Серёжа, милый, пишу тебе — так мне, наверное, проще выразить свои чувства.

Эти несколько дней с тобой стали, пожалуй, одними из самых счастливых в моей жизни. Спасибо тебе.

Я не знаю, что нас ждёт впереди, знаю одно — я хочу быть с тобой. И ещё то, что в этом мире возможно всё. Нужно только всеми силами стремиться к своей мечте.

Надеюсь, что моё чувство к тебе взаимно. Люблю тебя.

Твоя Ванда.

P.S. Помнишь, ты говорил, что у Пушкина есть строчки, которые будто про тебя? Пусть сегодня они будут про нас: «Я вас люблю — к чему лукавить?»

Сергей дочитал письмо до конца. В комнате стало будто ещё тише. Он встал, прошёлся по комнате, остановился у окна, потом снова сел и ещё раз перечитал письмо.

Сергей чувствовал, что будь она рядом, он рухнул бы перед ней на колени и тотчас же признался ей в том, что его сердце тоже полно любовью к ней. Она была для него всем — и пытаться перечислить, что именно, было бесполезно: так на две главы текста выйдет, а у него и слов-то таких не нашлось.

«Но она была, как пишут в страшных сказках, за тридевять земель. И вызвал её туда Кощей одним звонком. Точно как в сказке, правда, с учётом современных реалий», — горько усмехнулся Сергей.

Потом психанул и бросил в кота подушку. Барсик недовольно фыркнул, развернулся и ушёл в другую комнату, всем своим видом показывая, что с людьми сегодня явно что-то не так. И если б он мог, то, скорее всего, покрутил бы пальцем у виска: мол, лечиться нужно.

— В жизни бы не подумал, что в сказку попаду, да ещё про мафию, — сам на себя злился Сергей. — Онегин недоделанный…

— Я ж не Чак Норрис, чтобы с мафией в одиночку разбираться. Но и не тот, кто просто сидит и ждёт, пока всё само рассосётся. Ладно, как говорится, утро вечера мудренее.

И Сергей улёгся в кровать и попытался заснуть. Но в памяти всплывали события последних суток — каждое слово, каждый взгляд, каждая мелочь, которую он раньше не замечал, а теперь цеплялся за неё, будто она могла всё объяснить.

Глава 2

И он начал вспоминать позавчерашний вечер, последние сутки.

Ванда вернулась в зал ресторанчика бледная и очень недовольная. Сергей с Илоной, естественно, спросили её, кто звонил и почему на ней нет лица. Ванда вылила остатки коньяка из графина себе в стакан и выпила его одним глотком. Потом рукой махнула бармену — мол, повтори. И лишь когда Гурик (именно он сегодня стоял за баром) принёс коньяк, Ванда и рассказала:

— Свёкор звонил, спрашивал, когда я с мужем в последний раз говорила. Я рассказала про странную эсэмэску и о том, что его телефон не активен. Как я поняла, Марко пропал, и дон Франко не на шутку встревожен. Ещё он сказал, что «не всё спокойно в королевстве датском», коротко говоря — неприятности… И что мне нужно срочно вернуться на Сицилию. Билет на самолёт уже заказан, а для моей «безопасности» в Питер уже вылетела моя «подруга» Марта, будь она трижды неладна.

Ванда плеснула себе ещё коньяка и не спеша его выпила, затем убрала со лба прядь волос и добавила:

— Предвосхищаю ваши вопросы. Не полететь не могу, и задержаться тоже. В Питер меня отвезёт Сергей на моей машине. Ты же меня проводишь, милый? — она улыбнулась Сергею той самой улыбкой, которая так нравилась ему.

— Конечно.

Ему вдруг так сильно захотелось её поцеловать, что Сергей едва сдержался, помня о сидящих в зале чересчур любознательных девочках с телефонами. И тут подала голос Илона:

— Серёжа, да ты её прямо глазами ешь! Я уже начинаю волноваться, успеет ли подруга на самолёт, — поддела она их с понимающей и одновременно сочувствующей улыбкой.

— Плесни и мне коньячку, Серёженька, — Илона протянула ему свой бокал.

Ванде очень не понравились взгляд и тон подруги, с которыми она произнесла «Серёженька». Сергей, естественно, тоже заметил и недовольство Ванды, и этот полунамёк Илоны. Но Илона мигом сменила тональность и спросила подругу:

— А куда ты свою «Мазерати» денешь? Скромному учителю оставишь? — и, посмотрев на Сергея, добавила с придыханием, явно кого-то пародируя: — В знак дружбы.

— Адвокат отправит фурой в Палермо. Илона, поехали. Мы тебя домой отвезём. Сергей, я заплачу за ужин. Не спорь со мной, пожалуйста.

Она достала деньги — там было, наверно, минимум на три таких ужина — и положила их на стол, а потом легонько чмокнула Сергея в щёку и уточнила:

— Сегодня, не спорь, пожалуйста. Поехали!

Затем она подошла к Гурику, о чём-то с ним пошепталась; тот согласно покивал в ответ. Вся компания погрузилась в машину Сергея и поехала отвозить Илону домой. У подъезда подруги вышли, а Сергей остался в машине, чтобы не мешать им поговорить на прощание. Через несколько минут Ванда уже села в машину, а Илона послала им воздушный поцелуй, помахала рукой и пошла к подъезду, широко покачивая бёдрами.

«Красиво идёт. Есть на что посмотреть», — подумал Сергей.

— Вот сучка.

— Ты о ком?

— Ни о ком. Похоже, колготки порвала, — сказала Ванда, делая вид, что разглядывает свои ноги.

— Поехали уже домой. Тебе ещё поспать нужно, — добавила она и нежно поцеловала Сергея.

Глава 3

— Серёжа, давай сразу мою машину из гаража заберём, а твою поставим.

— А ты вообще уверена, что мне стоит эту красотку доверять? Ведь бабушкин «Москвич» и Maserati — это как небо и земля.

— Серёженька, я тебе всё покажу и подскажу. Ты главное не суетись: здесь и по трассе поедешь ты, а по Питеру я сама поведу. Давай я машину выгоню из гаража, а ты свою поставишь.

В общем, дома Сергей никак не мог уснуть, пока Ванда его не «укачала». А утром они проснулись и позавтракали. Компанию им составил кот, который бродил где-то всю ночь и теперь тёрся у стола, выпрашивая кусочек.

Ванда собрала вещи ещё ночью, и, когда они уже собирались выходить из квартиры, в дверном замке кто-то поковырялся ключом — и дверь распахнулась. На пороге стояла пожилая женщина в плаще.

— Здравствуйте, — поздоровалась она с несколько растерянным видом.

— Привет, мам. Ты немного не вовремя. Я коллегу провожу, к вечеру буду,

— Сергей чмокнул женщину в щёку.

— Ой, мам, прости. Это Ванда. Ванда, это моя мама — Марья Петровна.

— Очень приятно, — тихо сказала Ванда.

Марья Петровна внимательно рассматривала Ванду, будто пыталась прочитать её по складкам на пальто, по тому, как она держит руки, по едва заметной дрожи в пальцах. Сергей не собирался устраивать смотрины. Он взял Ванду под руку и увёл её, а уже с лестницы крикнул:

— Прости, мам! Мы торопимся!

А Ванде в эту секунду казалось, что так, наверное, выглядят люди, которые сбегают. Только они не сбегают. Они просто… очень торопились.

— Серёжа, на улице дождик! Зонт возьми! — крикнула ему вслед мама.

— У Ванды есть, и мы на машине!

Ванда и вправду держала в руке тот самый красный зонт. Выйдя на улицу, они сразу пошли к машине. Дождь моросил мелкими каплями, ложась на опавшую листву и превращая тротуар в тёмное, зеркальное полотно: в каждой луже отражались серые тучи и редкие фонари. Воздух пах мокрой корой и осенью, а тишина двора стала какой-то особенно густой — будто город затаил дыхание, пока они спешат.

Ванда передала Сергею брелок с ключом от машины, предварительно дистанционно отключив сигнализацию.

— Садись за руль, Серёжа.

Уже садясь в машину, Сергей посмотрел на окна своей квартиры. В кухонном окне он увидел маму: она стояла, провожая их взглядом, и помахала им рукой. Сергей махнул в ответ и, улыбнувшись, послал ей воздушный поцелуй.

Он впервые сидел за рулём такой машины и чувствовал себя пилотом истребителя: по-настоящему наслаждался удобством кресла (Ванда помогла настроить его под высокого Сергея), расположением приборов управления и контроля, да и самим салоном, обшитым кожей. Пахло новой кожей и чем-то едва уловимым — её духами, которые ещё не успели выветриться.

— Серёжа, машина с характером. Двигатель мощный и оборотистый. Газуй очень осторожно. Руль слушается прекрасно, поэтому никаких резких движений… Ну что? Пристегнись и поехали, — она ободряюще улыбнулась и подмигнула Сергею. Потом положила свою руку на его, сжимавшую рычаг коробки передач, и чуть сжала её, а потом громко добавила:

— И они умчались навстречу новым приключениям, держась за руки!

Сергей повернул ключ. Машина отозвалась мгновенно: лёгкая, почти звериная вибрация пробежала по кузову, а затем раздался низкий, бархатный звук двигателя — будто он не просто проснулся, а выдохнул: «Я готов».

Глава 4

Постепенно Сергей приспособился к норовистому характеру машины, и доехали они до пригородов Питера без особых приключений, а там уж за руль пересела Ванда. Когда въехали в город, она сразу же направила свою красавицу в центр. Вела машину она очень умело и уверенно.

Сергей тоже неплохо знал этот Питер: во-первых, его родной город находился, в общем-то, недалеко от Питера (некоторые из его приятелей ездили туда просто пивка попить или, к примеру, матч «Зенита» посмотреть); во-вторых, в Питере у него жили родственники; а в-третьих, он частенько сопровождал в этот красивейший город своих учеников на экскурсии.

Когда Ванда уже ехала по Невскому проспекту, она вдруг свернула к витрине дорогого бутика.

— Подожди минутку, ладно? — бросила она Сергею и, не дожидаясь ответа, выскользнула из машины.

Он успел только заметить, как она скользнула в стеклянные двери, а уже через пять минут вышла — с элегантным пакетом в руках. Вернувшись в машину, протянула его Сергею и сказала просто:

— Это тебе. Потом посмотришь.

И, не давая ему спросить, сразу добавила:

— Давай заскочим к Алиске. Я тебя с ней познакомлю: общаться будем через неё и эзоповым языком. Я надеюсь, ты понимаешь, что я не совсем свободна в своих действиях и желаниях. Или тебя будут тяготить отношения, связанные с кучей подобных сложностей и проблем? Да и замужем я, опять же. Ты скажи. Я пойму.

После этих слов Ванда включила поворот и съехала к тротуару. Остановив машину, она посмотрела на Сергея, ожидая ответа.

Он ответил не сразу:

— Знаешь, я ведь простой учитель. Но вот что я тебе скажу: за всё в этой жизни нужно бороться. И чем выше ставки, тем сложнее борьба и, конечно же, тем дороже приз. А приз, как это ни пошло звучит, в этой «игре» — ты. Понимаешь, уже одно только то, что из огромного выбора мужчин — а он у тебя наверняка большой, я в этом не сомневаюсь, — ты выбрала именно меня. Уже только этот факт для меня — большая честь. Прости за мою некоторую старомодность в речи, но сама понимаешь: «издержки производства». Да и воспитания: мои дед с бабушкой всю жизнь друг к другу на «вы» и по имени-отчеству обращались.

— Может быть, именно этим ты меня и привлёк, — тихо сказала Ванда, внимательно слушая. И вдруг спросила: — А ставка?

— Насколько я понимаю, наши отношения… — Он почему-то избегал или боялся произнести слово «любовь». Сам понимал, что это глупо и бессмысленно, и, скорее всего, если он не скажет этого слова сейчас, другого шанса у него просто не будет. Ведь, как известно, всё хорошо к своему месту и времени. Понимая, что тот самый момент можно легко упустить, Сергей всё же произнёс слова, которых она ждала от него:

— Ставка в этой «игре» — наша любовь.

Похоже, именно этих слов она и ждала от него. Дождавшись, она словно скинула мучившие её сомнения и сказала в ответ негромко:

— Я тоже тебя люблю, Серёжа, — и нежно его поцеловала.

Постепенно поцелуи становились всё более страстными, и им было уже абсолютно всё равно и на многочисленных прохожих, и на то, что они целуются в самом центре многомиллионного города, практически у всех на виду, как подростки. И неизвестно, до каких берегов

довела бы их страсть, но тут по стеклу машины постучал полицейский и вежливым, но не терпящим возражений тоном попросил их найти более подходящее место для подобных занятий.

Ванда мило улыбнулась своей фирменной улыбкой, завела машину и, проехав буквально несколько сотен метров, свернула в ближайший двор-колодец.

— «Вот моя деревня, вот мой дом родной», — процитировала она классика.

— Пойдём, с Алиской познакомлю. Мы с ней на одной площадке живём. Я-то квартиру свою сдала, а она типа присматривает за ней.

Они вышли из машины и зашли в подъезд старой пятиэтажки. Войдя в такой же старый лифт, Ванда нажала кнопку пятого этажа. И лифт, скрипя, поехал.

— А твоя соседка-то дома?

— Я её предупредила, что заеду днём. Обещала ждать.

Лифт остановился, они вышли. Ванда уже собиралась звонить в довольно старую и слегка обшарпанную дверь, как откуда-то снизу раздалось:

— Привет.

Они посмотрели вниз на лестницу и увидели сидящую на подоконнике девушку — почти подростка. Она была из тех, кто будто специально выбирает вещи, которые не совпадают друг с другом, и от этого выглядит как живая картина: тёмно-синее, почти выгоревшее пальто с красивой строчкой по краю, а под ним — яркий свитер крупной вязки цвета охры. На шее — тонкий чёрный шнурок с крошечным серебряным ключиком. Тёмные волосы небрежно собраны, но из пучка всё время выбиваются тонкие пряди, будто она то и дело проводит по ним пальцами, когда думает. Серо-зелёные глаза в полумраке подъезда казались просто серыми, а когда на них падал свет из окна — зелёными, как старая стеклянная бутылка. На запястье — тонкие часы с поцарапанным стеклом, будто однажды она зацепилась ими за перила, убегая по узкой лестнице, и с тех пор не снимает: это её личный знак «я выбралась».

Она сидела, свесив ноги, и что-то быстро писала в потрёпанном блокноте. Услышав шаги, подняла голову, улыбнулась так, будто знала их сто лет. Вернее, Ванду она и правда знала с малых лет. И тут же сказала:

— А кто это с тобой? На Чехова похож, только очки другие.

Нужно заметить, что Сергей с тех пор, как стал (слово «встречаться» тут и правда не совсем подходило) видеться с Вандой, по её совету стал отпускать «чеховскую» бородку. И действительно стал очень походить на писателя: даже нос у Сергея был прямым, с той самой лёгкой горбинкой.

— Это мой друг Сергей. Ну как ты вообще, Алиса? Я смотрю, всё пишешь? Слушай, что мы в подъезде-то болтаем? Может, к себе пригласишь и чаем напоишь? Мы вообще-то с дороги, отмахали немало.

— Конечно, пойдём чаи гонять! Только сначала послушайте, оцените:

Листья кружатся, как старые афиши,
Ветер листает пустые страницы блокнота.
Город укрылся дождливым платком,
Но где-то рядом надежды горит огонёк.

— Ну как? — Алиска захлопнула блокнот и посмотрела на них с этой своей быстрой, чуть озорной улыбкой, будто боялась, что сейчас скажут «не то». — Если не нравится, я другое прочитаю. Или вообще не надо… вы и так с дороги, и так устали, что мне вдруг захотелось вам именно это дать.

Ванда молча подошла, обняла её на секунду — крепко, по-своему, без лишних слов.

— Нравится, Лисёнок. Очень нравится. Пошли уже чай пить.

Алиска кивнула, открыла дверь, и из квартиры пахнуло теплом, старым деревом и чем-то сладким — будто здесь всегда ждали гостей.

У Алисы они пробыли недолго — около получаса. Договорились, что она будет передавать друг другу их сообщения. А затем они вышли на улицу. Наступила пора прощаться, и будто нарочно пошёл дождь. Но в машину садиться они не стали. Ванда достала тот самый красный зонт и укрыла их от дождя.

Они молча стояли в обнимку в старом дворе и слушали дождь. Им многое хотелось сказать друг другу, но слова вдруг будто внезапно закончились, и только шелест дождя пел свой осенний напев.

— Мне пора, — с грустью сказала она. — Пусть этот зонт побудет пока у тебя. Я за ним обязательно вернусь. А часы, что я тебе подарила, пусть отсчитывают минуты до нашей встречи.

И по её щеке скатилась слеза.

Глава 5

Проснулся Сергей поздно. Вчера, несмотря на усталость, он долго не мог уснуть, а сегодня был последний день каникул — можно позволить себе поспать.

Как обычно, с утра он пошёл в душ, а потом, по давней привычке, начал ровнять перед зеркалом усы. Присмотрелся к своему отражению и не удержался от улыбки.

«И вправду на Чехова стал похож. Только волосы длинноваты, да очки не те… А что, если подстричься и подобрать очки под пенсне? Сменю имидж: пусть все смотрят на портрет Антона Павловича и на живого, полного сил Сергея Павловича — и ищут три различия!» — от души веселясь, сказал он себе вслух.

Настроение, вопреки ноябрю и дождю за окном, было хорошим. Нормальный человек не может долго ходить расстроенным: если поискать, в жизни всегда найдётся повод для улыбки. Вот и Сергей его быстро нашёл.

Выйдя из ванной, он направился на кухню, и тут же к нему присоединился кот — вылез из какого-то своего укромного уголка, будто только и ждал этого момента. Они вместе с аппетитом позавтракали, совершенно забыв о вчерашнем инциденте с подушкой.

Позавтракав, Сергей прошёл в кабинет и достал из стола коробочку от подарочного набора, который вчера подарила Ванда, — того самого, что она купила в бутике на Невском. Кроме часов там была ещё и ручка с золотым пером. Вчера он открывал подарок в междугороднем автобусе, на ходу, толком не рассмотрев, а вещь того стоила. Ручка была от одной из известнейших фирм, в едином стиле с часами. А главное — на ней была красиво выгравирована надпись: «Моему Чехову».

Эта фраза окончательно убедила Сергея: да, надо «доработать» свой образ. Подстричься, подобрать очки, похожие на пенсне, — пусть это будет его маленький знак: он помнит, он ценит, он рядом, даже когда они врозь.

Недолго думая, он оделся и пошёл в гараж за машиной. Зонт он взял уже свой — чёрный, надёжный. И не зря: дождь шёл как из ведра. Та самая улица, которая в солнечные дни казалась золотой от солнца и опавших листьев, теперь выглядела совсем иначе. Мокрые деревья клонились под ветром, листья, прибитые крупными каплями, скользили по асфальту, собираясь в тёмные островки. Лужи разрослись до размеров небольших озёр — их приходилось обходить или перепрыгивать, и каждый такой прыжок отдавался весёлым, почти мальчишеским удовлетворением.

— Всё очень неплохо, несмотря на некоторые сложности, — негромко говорил Сергей себе под нос, перепрыгивая очередную лужу, почти скрытую мокрой листвой.

— А без сложностей и жизнь не жизнь. Каникулы явно удались. У иного человека столько событий за год не случится: тут тебе и разрыв (несколько драматичный) с Элей, и знакомство с очаровательной художницей… Тут тебе и романтика во всей красе, и «замужем за мафией», и Питер на «Мазерати», и Алиса, вылитая Пеппи Длинный Чулок, и Илона… Прямо как в кино про Джеймса Бонда.

Кстати, а почему связь через странноватую Алису, а не через Илону? Она же лучшая подруга: не глупая, весёлая, да и внешне очень даже… Одна походка чего стоит. Надо бы у неё самой спросить… У кого, у Ванды? И как? «Алиса, шли СМС, записывай…»

Я шлю тебе письмо, мой милый друг,

И нежностью полна, интересуюсь я:

А как твоя подруга с длинными ногами,

Глазами голубыми и вообще фигуристая вся?

Сергей хмыкнул и сам себе ответил на вопрос, будто Ванда стояла рядом:

— Вот ты сам себе, Сергей Палыч, и ответил: почему Пеппи, а не Илона.

Рассуждая подобным образом, он дошёл до гаража, выгнал машину и поехал осуществлять свой план по превращению в Антона Палыча.

А когда все необходимые процедуры были претворены в жизнь, Сергей снова посмотрел в зеркало. Он и сам трёх отличий от Антона Павловича не нашёл бы. Единственный аксессуар, который его мигом выдавал, — дорогие наручные часы. Но этот подарок был ему очень дорог — во всех смыслах.

Глава 6

А тем временем Ванда с «подругой» Мартой прилетели на Сицилию — в аэропорт Палермо. Правда, им пришлось делать пересадку в Риме: прямых рейсов из Питера не было. Зато Ванде удалось разговорить «подругу»: обычно из «рыбьего» рта Марты и слова было не вытянуть, но, видимо, обстоятельства стали настолько серьёзными, что даже «скандинавский сухостой» наконец заговорила.

— Что за срочность такая, что сам дон Франко звонил и выдернул меня практически из-за стола? Я даже портрет подруги не дописала, — бесцеремонно заливала Ванда, пока они сидели в салоне самолёта, ожидая вылета в Рим.

— Похоже, у концерна дона Франко большие проблемы. Практически одновременно случилось сразу несколько нехороших вещей. Во-первых, исчезли ваш супруг, сеньора, вместе со своим помощником — они поехали в какую-то южноамериканскую страну, в какую — не знаю, и пропали. Дон Франко очень расстроен. Потом кто-то взломал серверы концерна: насколько я знаю, похитили часть очень важной информации. В довершение всего, нескольких партнёров дона арестовали, а одного из помощников даже застрелили. Вот поэтому дон и собирает всех близких людей в особняке — в целях безопасности.

— Спасибо, что просветила, Мара, — тихо сказала Ванда и задумалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.